

ОБРАЩЕНИЕ

Обращение к собеседнику — это самая употребительная языковая единица, связанная с этикетными знаками. Установление речевого контакта, регулирование социальных взаимоотношений — важные общественные функции обращения, поэтому его употребление является предметом заботы и внимания людей, особенно в наше время, когда наряду с употребительным ранее обращением *товарищ* становятся популярными и другие формы. «В человеческом обществе придают большое значение установлению контакта и ориентировке в собеседнике и ситуации. Все виды приветствий, обращений, титулований предназначены для установления контакта и демонстрации социальных отношений, в рамках которых коммуниканты намерены общаться». Итак, суть обращения составляют языковые формы установления контакта с собеседником при демонстрации взаимных социальных и личностных отношений. Обращения возникают на базе слов-названий: наименования родства, личных имен, обозначения профессии или рода занятий, каких-то признаков и т. д. К обращениям примыкают и способы привлечения внимания без называния адресата: *Простите...; Извините...*, — функционально равные обращения-называниям. Я могу сказать: — *Простите, вы выходите на следующей остановке?*, а могу и так: — *Гражданин, вы выходите?*

Обращения возникают на базе слов, но сами они словами не являются. Это уже не слово-название (как при назывании третьего лица), а обращенная к адресату коммуникативная единица, т. е. своеобразное речевое действие (речевой акт), состоящее из призыва и называния одновременно; после него должен последовать текст. Основная функция обращения — привлечение внимания, призыв собеседника — дала ему определенную оформленность, специфическую звательную форму, существующую в ряде славянских языков и имевшуюся в древнерусском языке (сейчас у нас сохранились эти формы в таких междометиях, как *господи, боже*). Интересно, что болгарский язык сохранил звательную форму, но утратил все падежные окончания существительных, а русский язык, напротив, сохранил 6 падежных форм, но утратил звательную. Это, между прочим, одно из косвенных доказательств того, что звательная форма не падеж. Да и о каком падеже может идти речь, если обращение, как мы уже сказали, не слово, не лексическая единица языка! Однако само явление звательности очень значительно и стремится к оформленности. Так, в разговорном стиле мы наблюдаем усечение суффикса или окончания в обращении — собственном имени или наименовании родства: *Петь!; Тань!; Мам!*; растяжение: *Ма-а!, Мама-а!*; удвоение: *Тань-Таня!; Петь, а Петь!* Конечно, такие формы ограничены стилистически. Ведь нельзя себе представить, чтобы в официальном стиле кто-то так обращался! Устная речь допускает стяжение даже в имени-отчестве. Более того, умеренное стяжение является нормой устного произ-

ношения. Если кто-то звонит мне по телефону и четко произносит: *Наталья Ивановна!* — я безошибочно определяю иностранца. А вот *Наталь Иванна!* — это уже говорит русский. *Зинаида Пална, Василь Юрьич, Игорь Степаныч* — все это норма литературного употребления. Стяженность — настолько яркий признак русского обращения в устном произношении, что писатели, чуткие к языку, часто изображают это на письме, графически. Вот несколько примеров:

Галя хотела позвать Котьку умываться, но он сам пришел в ванную.

Теть Галь, мне нужна коробка из-под обуви. (Н. С о р от о к и н а).

Шурк! — позвала бабка.

А?

Павла-то, наверное, в Кремль пускают? (В. Шукшин).

А в некоторых произведениях можно встретить особый способ передачи произношения имени и отчества — написание этой формы в одно слово: у М. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» — *Палосич* (Павел Иосифович), у Н. Дубова в повести «Беглец» — *Юливанна* (Юлия Ивановна).

Ср. также:

Толик сидел как на иголках, он не мог ничего писать. В общей тишине он спросил, не выдержав:

— *Анпална*, а как зовут собаку с черным ухом?

Учительница посмотрела в блокнот и ответила:

Бем!

Бим! — вскрикнул Толик, взбудоражив этим возгласом весь класс.—

Отпустите меня, *Анпална*. Пожалуйста! (Г. Троепольский). (Там же один из персонажей — *Палтитыч*.)

Еще пример:

Генка говорит: «*Марьстепанна, а Марь-степанна!*» — «Ну чего тебе?» — «Можно выйти?» — «Выходи», — недовольно говорит *Марьстепанна*. (А. Битов).

Конечно, такое написание — это художественный прием автора, рисующего специфику непринужденной устной речи персонажей.

Явление стяжения обращения в непринужденной обстановке можно квалифицировать как звательную форму только в разговорной речи. Поэтому главным формальным средством указания на обращение в русском языке будем считать особую звательную интонацию, кстати, очень сходную с той, которой снабжаются и другие выражения речевого этикета. Это, говоря обобщенно, интонация призыва собеседника. И по ней мы безошибочно выделяем обращение в потоке речи.

А теперь о втором важном свойстве обращений — о том, что они не только призывают, но еще и обозначают адресата.

Итак, обращение — самый яркий этикетный знак. Ведь французское слово *этикет* первоначально имело значение «этикетка», «ярлык». Называя собеседника, мы как бы выбираем для него наиболее подходящий к случаю «ярлык».

Казалось бы, это так несложно — обозначить, назвать того, с кем я хочу говорить. Основные признаки собеседника легко распознать: пол, возраст (*Молодой человек!*), профессиональную принадлежность (*Товарищ милиционер!*), уровень образованности и даже место жительства (в городе или в деревне: не всякой незнакомой старой женщине можно сказать *Бабушка!*). И все же это простое действие — назвать собеседника — не всегда удается. На улице наблюдаю сценку:

- Эй, парень!

- Какой я вам парень!

- Простите, гражданин!

Диапазон тональности обращений велик, и иногда обращенное к нам название нас удовлетворяет (а иногда и возвышает в собственных глазах и в глазах окружающих), но иногда и унижает (ср.: *Эй, тетка!*). Само по себе *Эй!* (чаще в сочетании с каким-либо словом) служит способом привлечения внимания. Но кто же согласится вступить в контакт с человеком, так обратившимся! Фамильярно-грубое *Эй!* бытует разве что в среде подростков (в форме *Эй, ты!*)

Вообще говоря, в русском языке есть великое множество обращений, они обслуживают самые разные ситуации общения, употребляются людьми, несущими в себе разные социальные признаки, адресуются разным людям... Остановимся на наиболее употребительных обращениях.

Исследователи классифицируют обращение по разным признакам: что оно обозначает (собственное имя, родство и т. д.), знаком или нет нам адресат, какова стилистическая окраска обращения. В основу классификации положим второй признак, а первый и третий включим попутно в характеристику того или иного обращения.

Итак, адресат нам незнаком. Это бывает чаще всего в ситуации нейтрального, обиходно-делового общения на улице, в транспорте, магазине, гостинице, мастерской, на почте и т. д. Общение здесь минимально, мы задаем какой-либо вопрос, о чем-то просим, изредка что-то сообщаем (*Гражданка, вы уронили перчатку*). Именно для короткой беседы с незнакомым нам не так уж важны его признаки (возраст, пол), поэтому часто мы лишь обозначаем его как адресата, к которому направлена наша речь. Иначе говоря, он выступает как объект адресации, которому мы посылаем сигнал привлечения внимания, естественно, вежливый: *Простите...*, *Извините...*. Ведь каждый из нас пользуется таким способом привлечения внимания: — *Простите, пожалуйста, который час?* Здесь ощущаются отголоски извинения за то, что мы отвлекаем человека от его дел, мыслей. Да и существует прямое указание на это: — *Простите за беспокойство ...*. Правда, сегодня мы слышим это преимущественно от людей пожилых.

Если прислушаться к разговору на улице, то чаще всего звучит просьба-вопрос без предварительного *простите, извините*, например: — *Скажите, пожалуйста, где здесь ближайшая станция метро?* И опять-таки способом выразить уважение к собеседнику оказывается вежливое *пожалуйста*. Ну а если так: — *Извините, скажите, пожалуйста,* — мы не ошибемся в своем пред-

положении: обращается человек немолодой, интеллигентный. Эту же своеобразную «паспортизацию» говорящего дают и такие способы привлечения внимания, как *Можете ли вы сказать...!*, *Не можете ли вы сказать...!*, *Вам не трудно сказать...*. Во всех способах привлечь внимание (просьбах ответить) адресат речи обозначен или глагольной формой, или местоимением.

Но вот мы подошли к таким обращениям, которые образованы на базе слов *товарищ*, *гражданин*. Остановимся на них подробнее.

Слово *товарищ* имеет несколько значений: 1) «Человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.»; 2) «Человек, связанный с кем-либо по роду деятельности, занятий, месту службы, учебы и т. п.»; 3) «Человек, связанный с кем-либо узами дружбы, близкий приятель, друг»; 4) «Член революционной рабочей партии, партийного рабочего коллектива»; 5) «Гражданин, человек в советском обществе». Такие значения отмечают толковые словари (отбросим устаревшее обозначение должности «товарищ министра», а также «компаньон»). Очевидно, все значения слова могут использоваться в обращении. Скорее всего, третье, а может быть, и второе реализовано в обращении Пушкина к Чаадаеву: *Товарищ! Верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...* Пятое значение слова дает обиходно-бытовое повсеместно недавно звучавшее обращение: — *Товарищ, проходите вперед*. Однако сейчас оно в большинстве случаев отторгается. В автобусе по привычке говорю: — *Товарищ, вы выходите на следующей?* В ответ — довольно злобное: — *Я вам не член КПСС!* Хочется думать, что пройдет время, улягутся страсти и хорошее исконно русское слово вернется к нам как обращение в пушкинском значении.

У слова *гражданин* значения таковы: 1) «Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами данного государства, и исполняющее все установленные законами обязанности»; 2) «Взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему»; 3) «Человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу». Это значение мы встречаем, например, у Н. А. Некрасова

(Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан). В словарях оно снабжается стилистической пометой «высокое» («устарелое»). Слово *гражданка*, видимо, больше соотносится с двумя первыми значениями. Современное наше обращение *гражданин* (*гражданка*) имеет два четко ощущаемых оттенка. Если на улице милиционер скажет: — *Гражданин!*— вы почувствуете официальность, строгость такого обращения. Этот оттенок—от первого значения слова (связь с правами и обязанностями, с законом). В этом смысле показателен следующий текст:

Ваш билетик? — Санин машинально начал рыскать по карманам, забыв от неожиданности, куда билет положил, потом вспомнил, но не успел вытащить из-за браслетика, как нетерпеливый и, по-видимому, не больно

доброжелательный контролер, молодой парень, облеченный властью, вновь прикрикнул:

Что вы из себя дурочку строите!

Пройдемте, *гражданин!*

И сразу же — *гражданин*, сразу же отключен от всех равноправных *товарищей* своего общества, уже на подозрении и даже осужден: *гражданин!* (Ю. Крелин).

В этом отрывке интересно отметить отношение персонажа к обращению *гражданин* как к осуждению. (Вспомним, что осужденному предписывается обращаться к представителям закона **именно так: *гражданин милиционер.***) Это ощущение связано, вероятно, с обусловленными законом обязанностями контролера. Ну, а его невежливость — она, конечно, от невоспитанности, а может быть, и от непонимания важной роли речевого этикета, особенно для должностного лица.

Но вернемся к описанной ситуации. Дело происходит в транспорте. Если бы в том же месте кто-то из пассажиров сказал нашему герою: — ***Гражданин, вы выходите на следующей? или: — Гражданин, передайте, пожалуйста, деньги!*** — то вряд ли он почувствовал бы, что «отключен от товарищей и осужден». Просто в этом случае ситуация общения иная: не страж порядка и закона, а такой же пассажир применил обращение, которое уже имеет не официальный, а обиходно-бытовой оттенок — сравните со вторым значением слова. (Вспомним: этикетный знак *гражданин* в первом случае указывает на отношения «старший — младший», а во втором — на равенство собеседников.)

Кстати, в «верхнем ярусе» формального общения возможно нечасто употребляемое **сочетание «*гражданин+фа-*милия»** уже без оттенка осуждения; ср.:

Холл гостиницы «Москва». Администраторша, высунувшись из окошка, кричит: — ***Гражданин Ниточкин! Есть такой*** здесь? (Е. Габрилович, Ю. Райзман).

Или — с оттенком осуждения — в милиции:

— **Так это было, *гражданин Никитин?*** — зашелестевшим серым песком достиг его слуха голос дежурного. — Вы в сильно нетрезвом состоянии, почти невменяемом, как видно и сейчас, пытались вырвать у гражданина Миляева деньги. Так это было? (Ю. Бондарев).

Таким образом, у обращения *гражданин, гражданка* две возможности применения: в обстановке официального общения и в обстановке обиходно-бытовой. А смысл у слова *гражданин*, как и у слова *товарищ*, также очень емкий, хороший. И форма женского рода есть. Но все же оттенок официальности накладывает свою печать на это обращение, поэтому не во всех случаях жизни им удобно пользоваться.

Вспоминаю, как будучи в командировке в Польше, я каждое утро слышала в гостинице: — *Доброе утро, пани!* Попробуйте вставить в эту фразу **наши обращения: — *Доброе утро... товарищ? женищина? гражданка?*** Нет, не подходит.

Наверное, излишне говорить, что уменьшительное образование *гражданочка* не придает большей вежливости обращению. Если хорошо звучит *мамочка, Танечка* как обращение к близкому человеку, то *гражданочка* здесь окажется непригодным (как и вычурное *дама, дамочка*).

Сейчас все чаще можно услышать по радио, с экрана телевизора: *Дамы и господа! Господин Петров! Господа!* В нашу жизнь возвращается когда-то утраченное. Однако уместным оказывается употребление а) во множественном числе, б) в сочетании с фамилией, т. е. применительно к знакомому человеку. А к незнакомому, например в транспорте: — *Господин, вы не можете подвинуться?* — не уместно, потому что этому обращению сопутствует официальная тональность. А в этой ситуации нужно нечто более доверительное. В одном частном магазине на двери я увидела надпись: *Сударь и сударыни! Пожалуйста, закрывайте дверь!* А в метро от пожилого гражданина (господина?) услышала: — *Сударыня, садитесь, пожалуйста.* Непривычно еще, но ведь уместно! И уважительно, и неофициально, и доверительно, и тепло!

Несколько лет назад писатель В. Солоухин предложил ввести в употребление обращения *сударь, сударыня*. Можно согласиться, что эти обращения в прошлом в наименьшей степени отражали неравенство. Предложение Солоухина обсуждалось на страницах печати. Было высказано много мнений «за» и «против». Противники ссылались главным образом на то, что это непривычно, странно. Да, конечно, все вновь вводимое сначала странно, но как быстро мы привыкаем к новому! В статье «Океан родного слова», напечатанной некоторое время спустя, В. Солоухин говорил, что обращения эти не привились не только потому, что не пропагандировались «сверху» — через радио, газеты, телевидение, но и потому, что не были приняты «снизу», самим народом, так как не всегда и не всякой женщине удобно сказать *сударыня*. В одном случае это хорошо (*Сударыня, вы уронили перчатку*), а в другом неуместно (*Сударыня, ну-ка убери авоську! Что ты тут расселась!*). Но ведь во второй ситуации — вообще неуважительное отношение к собеседнику, так что как ни обратись, речь не станет лучше, а подобное речевое взаимодействие с адресатом вряд ли может привести к желаемому контакту.

Почему же обращения *ударь, сударыня* нам пока трудно принять? Они устарели, это так. Но бывают случаи, когда мы возрождаем забытое в языке. Здесь же все дело в том, что соответствующие слова *сударь, сударыня* имеют дополнительные (коннотативные) стилистические обозначения, и они связаны с ассоциациями, которые рождаются у нас при мысли об обозначаемом. Произнесение слова *сударыня* вызывает представление о женщине определенного облика, может быть, «тургеневской», может быть, «чеховской»... Так что образ не всякой нашей современницы легко совмещается с обликом сударыни.

Ну, а нельзя ли себе представить, что употребление слова заставит стать человека лучше? Ведь всем педагогам, да и родителям, хорошо известно, как пагубно влияют на детей отрицательные «ярлыки» и как

благотворны положительные. Сила воздействия словом велика! А вдруг и тут: назовешь человека *сударем* или *сударыней*, он и постарается «подтянуться», вести себя соответственно!

Многие письма наших корреспондентов содержат недоуменные вопросы, почему же не «вводят» обращения *сударь*, *сударыня*. А некоторые заинтересованные лица просто требуют от лингвистов, чтобы они издали соответствующий декрет. Но ни одно слово еще не было рекомендовано к использованию по приказу лингвиста! Язык творит народ, он сам вводит в употребление то, что представляется ему удачным. А лингвисты лишь рекомендуют что-либо к употреблению, находя научно обоснованные причины, дают соответствующие объяснения.

Будем надеяться, что и «*господин* + фамилия», и *господа*, и *сударь*, *сударыня* войдут в употребление, останутся и *гражданин* с *гражданкой*, и *товарищ*. Чем больше возможностей для выбора дает язык, тем лучше говорящим людям!